

Анна Никольская

ЧЕМОДАНОВНА

Анна Никольская Чемодановна

Серия «Новая детская книга»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11131753

Чемодановна. Моя ужасная бабушка. Сказочная повесть: РОСМЭН;

Москва; 2015

ISBN 978-5-353-07187-7

Аннотация

У брата и сестры Бори и Оли Прикольских замечательные родители, но не слишком замечательная жизнь. А все потому, что родители доверили воспитание детей гувернантке по фамилии Кикиморова. Оля и Боря сразу понимают, что гувернантка ненавидит детей, но папа с мамой ничего плохого и слышать о ней не желают. Ведь она работает у них задаром!

И кто знает, чем бы закончилось пребывание Кикиморовой в этой семье, если бы в один прекрасный день в доме Прикольских таинственным образом не появилась совершенно загадочная личность – Авдотья Чемодановна Свирепова. С ее появлением в доме начинают совершаться чудеса, а может ли быть что-то прекраснее чуда?

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	29
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Анна Никольская
Чемодановна. Моя
ужасная бабушка
Сказочная повесть

Глава 1

Вещи куда кошмарнее...

В ночь с субботы на воскресенье, приблизительно в три часа тридцать три минуты, в небольшом городе Большие Пупсы в небе что-то взорвалось.

Секунду спустя окошко детской в доме по улице Маршала Тараканова озарилось яркой вспышкой. Борис Эдуардович Прикольский юркнул под одеяло и притаился: а вдруг это разбилась тарелка с инопланетными существами? Прямо в их огороде, под тополями, где картошка цветёт! Сейчас они придут в себя, эти маленькие серо-буро-малиновые пришельцы из космоса, выберутся из-под осколков и начнут ломать входную дверь. А она у Прикольских всего-навсего деревянная! Её сломать – что глазом моргнуть, особенно если он у тебя один и светится прямо посредине живота.

– Ты где потерялся? – Одним рывком Ольга Эдуардовна

сдёрнула с дрожащего Бориса Эдуардовича одеяло. – Только умоляю, не говори мне, что ты боишься грозы! Тебе сколько лет?

– Мне? – удивился Борис Эдуардович.

Дело в том, что они с Ольгой Эдуардовной родились в один день. В одном и том же городе Большие Пупсы, на одной и той же улице имени трижды героя Соплёнкова, на одном этаже и даже в одной и той же родильной палате. Скажем больше: у одной и той же мамы, прекрасной Шурочки Николаевны Прикольской! Так почему же теперь, в тот самый момент, когда их родной дом атакуют проклятые инопланетяне, Ольга Эдуардовна спрашивает, СКОЛЬКО ЕМУ ЛЕТ?!

– Мне девять, – с достоинством молвил Борис Эдуардович (он же Боря) и снова залез под одеяло. – Скоро будет десять.

– Вот именно, что девять! Заметь, не четыре и даже не семь с половиной! Тогда почему ты боишься грома и молний как какой-то восьмилетний карапуз? – С этими словами Ольга Эдуардовна (она же Оля) снова потянула одеяло на себя. Это было любимое Олино занятие – как в прямом, так и в переносном смысле.

– Прекрати, пожалуйста, – попросил её Боря.

Он хоть и был Олиным близнецом, но по характеру сильно от неё отличался. Боря был тихим и скромным мальчиком, а Оля наоборот: громкой и нескромной девочкой. И она не желала ничего прекращать. Оля подошла к окну и отдёрнула занавеску, чтобы Боре стало ещё страшней.

А на улице творилось что-то несусветное. Во-первых, шёл жуткий ливень – как будто где-то наверху прорвало кран. И даже, может, не один, а сразу целых сто или тысячу. Эти гигантские краны извергали на бедный домик Прикольских тонны дождевой воды. Краны плевались и брызгались – наверное, дом скоро смоет с лица земли вместе с папиным гаражом и маминым огородом! Ещё за окном сверкали молнии – они чиркали по чёрному небу, словно какой-то великан зажигал спички – одну, другую, третью... А ещё на улице кто-то стучал в огромный барабан. Какой-то, наверное, папуас, решивший разбудить боем весь город. Он повесил луну себе на грудь и теперь колотил по ней из последних сил. И как только мама с папой его не слышат? Они что, оглохли? Спят себе в дальней комнате и в ус не дуют! А тем временем хитрые прищельцы уже украдкой выпиливают замок.

Так думал Борис Эдуардович, вернее, Боря, дрожа от холода и страха. Надо отдать ему должное – у Бори было богатое воображение, и это было скверно. Потому что богатое Борино воображение всегда разыгрывалось в самый неподходящий момент (особенно по ночам) и подсовывало ему сплошные кошмары. Чего нельзя было сказать об Олином воображении.

Она тем временем скакала по детской, подпрыгивала на кровати и карабкалась вверх по портьерам. При этом она загадочно вращала над головой руками и кричала страшным шёпотом:

– Чур меня! Чур! Я повелительница грозы родом из племени!

– Оля, ты сошла сума? – спросил у неё Боря. – Перестань, ты разбудишь родителей.

Ему всё это уже порядком надоело. Боре хотелось всего двух вещей, вернее, трёх: спать, и чтобы прошла гроза, и ещё чтобы Оля сейчас же, прямо сию минуту, задёрнула занавеску, легла в кровать и крепко заснула. Не подумайте ничего плохого: Боря любил сестру нежной братской любовью. Особенно когда Оля спала и не храпела во сне.

– Ха! О каких родителях идёт речь? – грохотала Оля в унисон с грозой. – О тех, что бросили нас на произвол судьбы посреди Северного Ледовитого океана? О тех несчастных родителишках, которые скормили нас голодным нильским крокодилам? Или о тех, что продали нас в рабство плантаторам на долгие пятьдесят восемь лет?!

– Оля, угомонись, – опять попросил её Боря. Он видел, что Оля уже вошла в раж и в одиночку ему с ней не справиться. Он встал с кровати и на цыпочках, по стеночке подкрался к двери.

– О тех жалких родителях, которые подсунули нам этудохлую Кикимору? Чтобы она вила из нас верёвки и через два с половиной года выпила из нас все соки?! – прокричала Оля из-под потолка и с криком «Ум-ца-ца!» спикировала прямёхонько в плюшевое кресло.

Тут в нашей истории мы сделаем небольшую паузу и рас-

скажем, о чём именно толковала Оля: какой такой дохлой Кикиморе.

Кикиморой Оля и Боря звали свою няню – Изольду Тихоновну Кикиморову. Почему они её так звали, для нас остаётся загадкой. Изольда Тихоновна Кикиморова на самом деле была великолепной женщиной. Ей было ровно двадцать два года, и недавно она окончила специальный институт для нянь, причём с красным дипломом. Чтобы увековечить этот замечательный факт в истории, Изольда Тихоновна купила себе красный велюровый костюм и помаду такого же цвета и с тех пор с ними не расставалась. Потом она купила себе красную пижаму, красные штаны, сапоги, пальто... В общем, всё в гардеробе Изольды Тихоновны с тех пор стало красным. Она даже обои переклеила в своей комнате, когда переехала жить к Прикольским, – жёлтенькие одуванчики заменила на каких-то кроваво-красных карликов.

Они нашли Изольду Тихоновну по объявлению (не карлики, а Прикольские, разумеется), когда мама Оли и Бори вдруг решила что-то изменить в своей судьбе и устроиться на работу в магазин. Не будем скрывать, что уход на работу мамы и приход вместо неё Изольды Тихоновны близнецы восприняли в штыки. Особенно Оля – в первый же день пребывания Кикиморы в доме она подсыпала ей в суп сушёных мотылей, на которых летом рыбачил папа. Изольда Тихоновна мотылей съела и ничего необычного не заметила. Это утвердило Олю в мысли, что Изольда Тихоновна – нече-

ловек.

– Она нечеловек, – сказала Оля Боре в ту же самую ночь.

– А кто? – испугался Боря.

– Я же говорю: НЕЧЕЛОВЕК. Разве человек при входе в чужой дом говорит: «Здравствуйте, меня зовут Изольда Тихоновна. А почему у вашей входной двери нет прорезиненного коврика?» Разве человек, садясь обедать за чужой кухонный стол, протирает дезинфицирующей салфеткой нож, вилку и сиденье стула? Разве человек нюхает, чем пахнет в чужом холодильнике, прежде чем поставить туда свой вонючий кефирный гриб? Разве человек пьёт грибы? Разве человек ест сушёного мотыля? РАЗВЕ ЧЕЛОВЕК НЕНАВИДИТ ДЕТЕЙ?

– С чего ты взяла, что она нас ненавидит? – спросил Боря.

– Она сама мне так сказала.

– Правда?! – изумился Боря.

– Нет. Но я просто чувствую. Нутром чувствую, ты меня понимаешь?

– По-моему, ты преувеличиваешь.

– А по-моему, ты преуменьшаешь!

С тех пор Боря стал внимательней приглядываться к Изольде Тихоновне. Он был мальчиком осторожным и внимательным, но всё равно ничего нечеловеческого в ней не замечал. Хотя Изольда Тихоновна ему тоже не очень нравилась.

Например, Боре не нравилось, когда Кикимора чистит

ему уши ватной палочкой. И не потому, что он считал, что чистить уши вредно, а просто это всегда была одна и та же ватная палочка. Изольда Тихоновна её потом мыла и убирала в коробочку до следующего раза.

– Она хочет тебя отравить, – говорила Оля (сама она не позволяла Кикиморе приближаться к своим ушам ближе чем на метр). – Она пичкает твои уши вялотекущим ядом.

– Каким-каким?

– Вялотекущим. Мало-помалу из тебя, прямо через уши, вытекут все внутренности, мы тебя похороним, а Кикимора переедет на твою кровать.

– Зачем ей моя кровать?

– Чтобы подобраться поближе ко мне! Из Прикольских Кикимора ненавидит меня больше всех! Она чувствует, что я – её ходячая угроза.

Кстати, это было чистой правдой. Изольда Тихоновна ладила со всеми членами семьи, даже с мамой. Но только не с Олей Прикольской. Хотя с ней Изольде Тихоновне приходилось проводить гораздо больше времени, чем с остальными. Потому что Олю она не только водила гулять, кормила обедом и заставляла делать уроки – она учила Олю музыке. Если бы Боре при рождении не наступил на ухо медведь, она бы и его научила. Но медведь наступил, за что Боря ему был премного благодарен.

– Я убью её и похороню в гостиной комнате! Прямо вот в этом пианино! – клялась Оля, в сто пятьдесят шестой раз

барабания гамму.

– Она через некоторое время начнёт пахнуть, – предупредил Боря.

– Нет, она же превратится в мумию. А мумии ничем не пахнут, я сама в музее нюхала.

В другой раз (во время парковой прогулки) Оля говорила Боре:

– Подойди к Кикиморе сзади и толкни её в пруд. Смотри, вон – она лебедей корками кормит, чтобы они подавились и утонули!

– Я не могу, – отнекивался Боря. – Меня посадят в тюрьму.

– Ну и что? Отсидишь и выйдешь. Зато в мире станет на одного нечеловека меньше!

– Если тебе так надо, сама толкай.

– Тряпка, – отвечала на это Оля и уходила в кусты, немного побыть в одиночестве.

Нет, Оля тоже очень любила своего брата-близнеца. Но искренне считала его мягкотелым.

Что касается мамы и папы Оли и Бори Прикольских – они-то как раз были в восторге от Изольды Тихоновны. Она казалась им верхом совершенства (тут заметную роль сыграл её красный диплом). И потом они были очень заняты на работе – папа работал в офисе, а мама – в магазине игрушек. Ни в офисе, ни в магазине больших зарплат не платили. Поэтому найти такую няню, которая согласилась бы работать у них за

копейки, Прикольским было тяжело. Но Изольда Тихоновна почему-то согласилась, и этого было достаточно, чтобы родители прониклись к ней чудовищным чувством благодарности.

– Она святая, – шептала мама перед сном, намазываясь ромашковым кремом с головы до пят.

– О да, – поддакивал папа. – Вчера я видел, как Изольда Тихоновна рылась у тебя в шкафу.

– И что ты сделал?

– Я извинился и прикрыл за собой дверь, чтобы не мешать.

– Какой ты у меня молодчина! – счастливо смеялась мама. – Сегодня Изольда Тихоновна съела на завтрак целую банку икры, которую мы берегли к Новому году, представляешь?

– Серьёзно? – умилялся папа, натягивая пижаму. – А ты что?

– Я сказала ей: пожалуйста, не стесняйтесь. Я завтра ей ещё куплю.

– Умница! – похвалил папа маму.

Примерно такие разговоры вели родители о няне своих единственных близнецов. Поэтому все Олины жалобы и Борины недовольства насчёт «Кикиморы» они принимали со снисходительным недоумением. Никто, даже собственные дети, не могли разуверить их в святости этой поразительной женщины-бессребреницы (планы которой отнюдь не ограни-

чивались поеданием чужой икры, а, как выяснится позднее, были куда коварней).

Но не будем забегать вперёд. В конце концов, наша история совсем не о родителях Прикольских и уж точно не об Изольде Тихоновне. А о куда более грандиозной персоне, которая пока ещё не появилась в нашем рассказе. Но скоро она появится. Да, уже совсем скоро.

Вот прямо сейчас.

Итак, Боря прокрался к двери, чтобы сбегать за Изольдой Тихоновной. Она, как никто, умела утихомирить разбуянившуюся Олю. Недаром же в институте нянь ей выдали красный диплом. Но Боря не успел никого позвать. Потому что в ту самую минуту, когда он уже открывал дверь детской, за окном чиркнула особенно яркая спичка, вернее, молния. В то же мгновение на противоположной стене комнаты возник силуэт.

Он был гигантский! Кто-то большой и толстый стоял там

под дождём и отбрасывал страшную тень прямо в детскую Оли и Бори. А детская, кстати, была на втором этаже.

– Смотри! – С Олиного лица тотчас сползло всё веселье. – Кто это? – Она протянула руку и дрожащим пальцем ткнула в чёрный силуэт на стене.

– Я н-н-не з-з-знаю, – пролепетал Боря, от ужаса начиная заикаться. Он вдруг почувствовал, как под пижамой побежали мурашки. Целая толпа мурашек! Они буквально бросились наутёк, оставив Борю стоять у двери в полном одиночестве.

Тем временем за окном происходило вот что. Кто-то прилепил на ту сторону стекла круглую присоску и, словно по циркулю, вырезал идеально ровную окружность. Стекланный кругляшок отпал и с тихим звоном разбился о камушки. Тут же в детскую дунул мокрый холодный ветер, а по подоконнику застучал косой дождь. Гроза ворвалась в комнату со всеми своими прибабасами – молниями и барабанами. А через мгновение в неё ворвётся что-то ещё ужасней. Вернее, кто-то!

Борю словно приклеили к стенке. Он вдруг вспомнил тот ужасный случай про одного мальчика, которого ударило шаровой молнией. Она залетела через форточку и, полетав по комнате, приземлилась тому мальчику прямо на макушку. С тех пор тот мальчик ни с кем не разговаривает и ест только сырое мясо (Боря хорошо его знал, они сидели за одной партой). Но самое главное – этот мальчик стал абсолютно бе-

лым, хотя раньше был негритёнком.

Боря попытался пошевелить пальцами на ногах, но их тоже как будто приклеили к полу. Что творилось с Олей, было не совсем понятно. У неё стало какое-то каменное, не двигающееся лицо. На самом деле Оля уже мысленно прикидывала, как потише и побыстрее расправиться со взломщиком. Огреть его по голове табуреткой или откусить ему палец, когда негодяй попытается нащупать шпингалет.

Но всё произошло по-другому. Негодяй (а точнее, негодяйка) не стал просовывать в дырку голову и даже не попытался открыть окно с внутренней стороны. Вместо этого жуткий чёрный силуэт оторвался от земли, завис ненадолго в воздухе, а потом...

В то, что случилось потом, не поверили ни Боря, ни Оля. Мы бы тоже, кстати, не поверили, будь мы очевидцами тех жутких событий. Прикольские решили, что они спят и снится им один сон на двоих (с близнецами это иногда случается). Потому что одно дело – оторваться от земли, на это способен всякий. Ну, может, и не всякий, а, например, индийский йог – Прикольские видели его один раз в цирке. А вот сделаться желеобразным, скукожиться до размера кота и просочиться через маленькое круглое отверстие способен далеко не всякий.

Но Авдотья Чемодановна Свирепова была способна на вещи куда кошмарнее. А это была именно она.

Глава 2

На третьей полке сверху

Очевидно, что Авдотья Чемодановна Свирепова была женщиной колоссальной – как снаружи, так и внутри. Всё в ней было большим: сердце, душа, размер ноги ((9-й), челюсть обширная, как сжатая нива, рост, занесённый в Книгу рекордов Гиннеса, бородавки, количество которых удваивалось день ото дня, и конечно же чемодан. Свой возраст и

вес Авдотья Чемодановна скрывала от окружающих как истинная леди. Но, судя по количеству продуктов, съедаемых Свиреповой ежедневно, вес был отнюдь не бараний. В первый же день пребывания в доме Прикольских Авдотья Чемодановна сломала их напольные весы и чуть не проломила пол в мансарде, запнувшись о порог своей новой спальни.

Где именно будет жить Авдотья Чемодановна, категорически решила она сама. Первым делом она обошла в доме все комнаты (включая спальню Изольды Тихоновны, что привело ту в натуральное бешенство) и в конце концов остановила выбор на мансарде.

– Я буду жить тут, – объявила Авдотья Чемодановна, ставя чемодан на пол совершенно пустой, пыльной комнаты с голыми стенами и грязным полом.

– Но кто вы такая? – робко поинтересовался у неё папа. Он был не выспавшись и поэтому многого недопонимал.

– Зовите меня просто: Чемодановна, – сказала Авдотья Чемодановна Свирепова, что было очень мило с её стороны.

Признаться, каждый раз называть её Авдотьей Чемодановной Свиреповой – это довольно утомительное занятие даже для рассказчика. Что уж и говорить о бедных членах семьи Прикольских, которым, видимо, предстояло прожить с Авдотьей Чемодановной Свиреповой всю оставшуюся жизнь.

– Это что, такая фамилия? – растерялся папа.

Чемодановна смерила папу испепеляющим взглядом.

– Это отчество, – отчеканила она. – Ещё вопросы есть?

– А вашего папу звали Чемодан? – спросила Оля и хихикнула.

– Вот именно!

– Но позвольте, с чего вы взяли, что мы хотим, чтобы вы у нас жили? – не унимался папа. Без мамы (она все ещё спала и ничего подозрительного не слышала) он чувствовал себя жалким и беспомощным перед этой странной, пожилой, циклопических размеров женщиной.

– Кстати, да, – вступила в разговор Изольда Тихоновна.

Она, в отличие от папы, в отсутствии мамы чувствовала себя как дома. Иной раз, забывшись, она называла папу «мой дорогой» и «котик», что ужасно злило Олю, расстраивало Боря и смущало самого папу. Он не любил, когда посторонние женщины звали его котиком, особенно если рядом не было мамы.

– Почему вы решили, – сказала Изольда Тихоновна, – что останетесь тут жить? И вообще, по-моему, вам уже пора. А то я сейчас пойду и вызову полицейских с собаками.

– Цыц, – только и сказала на это Чемодановна, не удостоив Кикиморову даже взглядом. – Ольга и Борис Эдуардовичи, помогите открыть чемодан!

Похоже, новая гостья тоже чувствовала себя у Прикольских как дома.

Оля и Боря бросились выполнять приказ. Если честно, они не сводили с чемодана глаз уже добрых полчаса. С тех

самых пор, как Чемодановна просочилась к ним в дом через оконную дырочку. Он был неопиcуемый, этот чемодан – то есть в прямом смысле слова.

– Какой у вас замечательный чемодан! – воскликнул папа. – Моего любимого зелёного цвета!

– Ты хотел сказать коричневого, – поправил его Боря.

– Не коричневого, а оранжевого, – вставила Оля (это был её любимый цвет).

– Красного! – не удержалась Изольда Тихоновна, а потом добавила: – Так я полицию вызываю?

– Подождите, Изольда Тихоновна, – прошептал папа. – Я сначала у неё паспорт попрошу. – Он откашлялся и громко сказал: – Можно мне ваш паспорт попросить?

– Разумеется нельзя, – отрезала Чемодановна.

– Но почему?! – опешил папа. Он не привык, чтобы старые женщины вели себя, как какие-то полководцы или фельдмаршалы.

– Потому что у меня его нет.

– А где он? – насторожился папа.

– Он у вас.

– У меня?!

– Вот именно. У вас в шкафу. На третьей полке сверху, лежит под стопкой нижнего белья и ничего ему не делается, – отрапортовала Чемодановна.

Оля опять хихикнула, а Боря промолчал – он всё ещё пытался разобраться с замысловатым замком на чемодане. Ему

казалось, что замок... э-э... как бы это получше выразиться... словом, живой. Замок то и дело хихикал (совсем как Оля) и пытался от Бори ускользнуть.

– Вы заблуждаетесь, – вдруг разулыбался папа и стал неистово двигать бровями, подавая Изольде Тихоновне какие-то знаки.

Папа (кстати, мы забыли сказать: его звали Эдуард Константинович – почти как великого изобретателя Циолковского, только наоборот)... Итак, папа вдруг всё понял. Он понял, что перед ним – сумасшедшая. Скорее всего, эта пожилая женщина сбежала из специальной лечебницы. Иначе как объяснить то, что одета она в пижаму и полосатый халат с капюшоном? И всё остальное тоже как объяснить?

Кажется, Кикимора тоже всё поняла. Потому что она

вдруг попятилась к двери, стараясь не привлекать к себе внимания.

– Стоять! – взревела Чемодановна, чем моментально пригвоздила Изольду Тихоновну к полу. – Ну, вот что, – уже тише добавила Чемодановна, опускаясь в шикарное кожаное кресло с пуфиком для ног. Боря мог бы поклясться, что ещё минуту назад никакого кресла в комнате не было. – Я продрогла до самых костей и сейчас буду принимать ванну с пеной.

– Но у нас нет ванны, – сказала Оля. – У нас только баня и душ.

– Деточка, ты ещё слишком мала, чтобы разбираться в подобных вещах, – ответила Чемодановна.

При этих словах стенка за её спиной раздвинулась, и глазам ошарашенных Прикольских с Изольдой Тихоновной предстала мраморная ванна на позолоченных львиных ножках. Ванна зарычала и сама собой начала наполняться.

– Аудиенция окончена. Всем спать, – позёвывая, сказала Чемодановна. – Борис, Ольга, марш в кровати.

– А как же чемодан? – разочарованно спросил Боря. Он так надеялся заглянуть внутрь!

Глаза Чемодановны предупредительно сверкнули – и этого было вполне достаточно, чтобы Прикольские моментально покинули комнату. А Изольда Тихоновна легла спать, так и не вызвав полицейских с собаками.

Кстати, никакого паспорта у папы в шкафу на третьей пол-

ке сверху не оказалось.

Глава 3

Отравленные пирожные

А на следующий день за завтраком кое-что произошло.

Завтракали молча: так у Прикольских было заведено. Вернее, так завелось с появлением в доме Кикиморы. Её любимое выражение было «когда я ем, я глух и нем». И ещё: «Ко-

гда я играю, я глух и нем. Когда я гуляю, я глух и нем. Когда я учу уроки, я глух и нем...» Ну, вы поняли. Изольда Тихоновна вообще не любила, когда дети разговаривают. Она любила, когда они, наоборот, молчат.

– Дети должны побольше слушать и поменьше болтать, – часто повторяла Кикиморова, покрывая свои длинные ногти красным лаком.

Однако на этот раз Оле с Борей помалкивать не пришлось. Потому что, когда папа намазывал третий тост вареньем, мама заваривала вторую чашечку кофе, а Изольда Тихоновна пила кефирный гриб, на пороге кухни появилась...

...Чемодановна!

Да, именно так – с красной строки, многоточием спереди и восклицательным знаком сзади. Чемодановна вообще любила эффектные появления, как вы уже догадались.

На этот раз на ней не было пижамы и полосатого халата. Зато на голове у неё красовалась высокая малиновая причёска в форме дома – с дверями и окнами. Одета Чемодановна была в розовый спортивный костюм и туфли на каблуках. Причём Оля могла бы поклясться, что это мамины туфли. А костюм – её собственный! В котором Оля ходит на физкультуру! Только он каким-то непонятным образом налез на Чемодановну и даже не разошёлся по швам.

При виде Чемодановны папа пошатнулся на стуле и уронил на пол тост. Честно говоря, он сначала очень обрадовался, когда не увидел вчерашнюю ночную гостью за кухонным

столом. И даже решил, что она ему приснилась в кошмаре.

Изольда Тихоновна тоже отреагировала на Чемодановну неадекватно. Она поперхнулась кефирным грибом и выплюнула его прямо в папу. Оля же и Боря, наоборот, заметно повеселели, когда увидели Чемодановну. Но на всякий случай они решили скрыть это от окружающих. Как ни в чём не бывало дети продолжили ковыряться в остывшей каше.

Но самая странная реакция на появление этой пожилой женщины была у мамы. И даже не потому, что мама видела её впервые, а совсем наоборот. Ведь именно мама, прекрасная Шурочка Николаевна, знала Чемодановну лучше всех остальных членов семьи. Мама знала её лучше, чем кто бы то ни было в этом безумном мире. Мама знала её, можно сказать, вдоль и поперёк, как облувленную, как свои пять пальцев! Поэтому при виде Чемодановны не папа и не Боря с Олей полезли под стол, а именно мама. Прямо с кофейной чашкой в зубах!

– Мам, ты чего? – Близнецы заглянули к ней под стол.

– Тсс, – сказала мама, выплюнув чашку, прижав палец к губам и сделав страшные глаза. – Меня тут нет. Совсем. Вы меня поняли?

– Шурка, вылезай сейчас же! – прогромыхала Чемодановна, с грохотом усаживаясь во главу стола (на бывшее мамино место). – Я всё вижу, между прочим! Я не глухая!

Прикольские молча переглянулись с Изольдой Тихоновной. «ШУРКА»?!

Но мама сидела под столом, как мышь. На что она, интересно, надеялась? Может, на то, что Чемодановна каким-нибудь чудесным образом испарится отсюда? Например, просочится обратно через дырочку?

Но ничего подобного не произошло. Как ни в чём не бывало Чемодановна принялась накладывать себе в тарелку еду. Причём это была какая-то странная еда. Это была еда совсем не из скромного рациона Прикольских, который ограничивался скучными тостами, надоевшими хлопьями и опостылевшей кашей с комками. Эта была еда из витрины кондитерской (на углу Тополиной и Розмариновой)! Еда, которую Оля с Борей могли поглощать круглые сутки, если бы их родители могли себе это позволить. В тарелке Чемодановны одно за другим, как из воздуха, появлялись пирожные, кексы, булочки с сахаром и изюмом, куски шоколадного и лимонного торта, маффины, пирожки с вареньем, ватрушки, расстегаи, творожные калачи – словом, всё то, от чего изо рта у нас с вами текут слюнки и что так замечательно есть на завтрак, запивая газировкой или в крайнем случае апельсиновым соком.

– Что вы на меня уставились? – спросила у близнецов Чемодановна. – Пирожных никогда не видели? – С этими словами она отправила в рот сразу десять корзиночек с кремом! Целых десять. Боря не даст нам соврать: он посчитал!

Близнецы сглотнули голодную слюну и с отвращением посмотрели на остывшую кашу.

– У вас, может, рук нет? – спросила Чемодановна. – Или рты не работают?

– Работают, – сказал Боря.

– Ещё как! – подтвердила Оля и в доказательство поклала немного зубами.

– Ах, вот оно что! – изумилась Чемодановна. – Другими словами, свежайшим шоколадным пирожным, испечённым самим маэстро Кулинарди, вы предпочитаете мерзкую холодную кашу, сваренную Кикиморой на воде, без добавления даже кусочка масла и ложечки сахара?

– Меня зовут Изольда Тихоновна! Я вас попрошу! – покраснела от злости Изольда Тихоновна, почти сливаясь с вельюровым костюмом.

Но Чемодановна опять сказала ей «цыц» и больше ничего.

– Нет, мы не предпочитаем! – стали оправдываться близнецы. – Совсем даже не предпочитаем!

– В таком случае остаётся два варианта: у вас жутко болят зубы или вы попросту стесняетесь, – заключила Чемодановна.

– Зубы у нас в порядке, – сказала Оля. – Просто каша полезная, а пирожные...

– Это яд! – закончила за неё Изольда Тихоновна и с силой погладила Олю по голове в знак всемерного одобрения.

– Правда? – удивилась Чемодановна. – Впервые об этом слышу.

Она вдруг побледнела, потом побагровела, потом пошла

мелким зелёным горошком, потом схватила за горло и закашлялась так, что в буфете задрожали зеркала.

– Что с вами? – ужаснулся папа.

– Вы что, не видите? Меня отравили! – простонала Чемодановна, закатывая глаза. – Вот она! – Толстый палец упёрся в ярко накрашенное лицо Изольды Тихоновны. – Эта Кикимора болотная подсыпала мне в пирожные яду! – Чемодановна почмокала губами и добавила: – Кажется, змеиного! Я сейчас умру, прямо у вас на глазах, а вы потом сразу вызывайте полицию с этими, как их там, собаками!

– Что вы несёте? – поразила Изольда Тихоновна. – Послушайте, я ничего вам не подсыпала!

– Да? – Чемодановна тут же пришла в себя, прочистила горло и с удвоенным аппетитом принялась за огромный торт с розочками. – Вот видите, дети, Изольда Тихоновна вам наврала. Так что ешьте спокойно. А кашу выбросьте от греха подальше, а то меня сейчас от её вида стошнит.

– Куда? – восхищённо спросили Оля и Боря.

– Прямо из форточки – на улицу. Её потом воробьи заклюют.

Под гробовое молчание папы и Кикиморы близнецы сделали так, как им сказала Чемодановна, и с урчанием набросились на пирожки с малиной.

У Оли и Бори было двойственное чувство (а как иначе – они же близнецы!). С одной стороны, они страшно боялись Чемодановну, а с другой – ничуть не боялись, а

наоборот. Она вдруг показалась им каким-то верхом совершенства, особенно по сравнению с сидящей рядом Изольдой Тихоновной. С поджатыми губами, та восседала на стуле белая, как кефирный гриб, и раздавленная авторитетом Чемодановны.

Боря вдруг заметил, что в грандиозной причёске у Чемодановны кто-то шевелится. Какой-то крошечный человек с довольно неприятным хмурым лицом. Он сидел на лавочке прямо у дома из волос и, поймав на себе пристальный Борин взгляд, вдруг показал Боре язык. Он был зелёный (не Боря, а язык)! От удивления Боря зажмурился, а когда опять открыл глаза, человечка на лавочке уже не было.

– Шурка, ты долго там ещё будешь сидеть? – громко спросила Чемодановна, заглядывая под стол.

– А вы что, знакомы с моей супругой? – деликатно поинтересовался папа. Этот вопрос его мучил уже целых полчаса. Те долгие полчаса, которые мама сидела под столом и щипала его за пятки.

– Немного, – сказала Чемодановна, допивая чай из чашки величиной с небольшую клумбу. – Она моя непутёвая дочь.

– ЧТО?! – разом вскричали Прикольские и Кикиморова.

– Да, – призналась мама, вылезая наконец из-под стола. – Авдотья Чемодановна Свирепова – моя родная мать. К огромному моему сожалению.

– А Чемодан – что, твой дедушка? – спросила Оля, но тут же притихла, осознав всю нелепость этого риторического во-

проса.

Не каждый день выясняется, что твой собственный прадедушка – Чемодан.

Глава 4

Калоши и макинтоши

Когда Оля и Боря поднялись с Чемодановной в мансарду, они решили, что ошиблись адресом. Или объелись пирожными и попали в параллельный мир. Или сразу и то, и другое, и третье. Потому что маленькую пыльную комнату с низким сводчатым потолком и облупившимися стенами они совершенно не узнали. Хотя последний раз были здесь прошлой ночью.

Итак, сейчас мы будем описывать спальню Чемодановны, а вы внимательно слушайте и запоминайте, потому что дру-

гой такой комнаты вы не найдёте больше нигде: ни в детской книжке, ни в мамином журнале по интерьеру. Она одна в своём роде, уникальная, понимаете?

Во-первых, эта комната была мягкая – целиком и полностью. Пол, потолок и стены были обиты плюшем на синтепоне и отлично пружинили! Так что прямо с порога Боря и Оля, как следует оттолкнувшись, взмыли вверх. Немного побарахтавшись в воздухе, они приземлились попами на мягкий пол и тут же снова взлетели.

Во-вторых, мебели в этой комнате не было. Никаких стульев со столами и скучных шифоньеров. Они появлялись лишь, когда были необходимы хозяйке (или её гостям). Это было очень удобно: не обо что было ушибиться лбом или разбить себе нос.

В-третьих, в чудесной комнате Чемодановны пахло апельсинами. Это была любимая Олина еда. Она могла есть апельсины бочками! А Боре пахло свежей эмалевой краской и технической резиной. Когда Боря бывал в папином любимом магазине «Ремонт и стройка», он тайком открывал баночки с краской и нюхал резиновые шланги. Если бы у Бори спросили, почему он это делает, он бы затруднился ответить. Чем пахло у Чемодановны маме, папе и Изольде Тихоновне, мы не знаем. Потому что их в комнату не пускали ни под каким предлогом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.